

ИСТОРИЯ УКРАИНЫ В РОМАНАХ

Юзеф
КРАШЕВСКИЙ

*Хата за околицей
Уляна
Остан Бондарчук*

Исторические романы

ХАРЬКОВ
«ФОЛИО»
2018

I

На границе Волыни и Подолии есть селение, расположенное в долине, под крутым склоном горы, на которой широкою равниною стелятся золотистые нивы, кое-где пересеченные небольшими темными рощами. Через селение бежит ручей, собранный запрудой в довольно обширный став. Весело белеются хаты в зеленых купах деревьев, прислоненные к склону горы, еще веселее отражаются они в чистых водах става. Тихо, зелено, спокойно, уютно в этом уголке, всему там приволье — и деревьям, и хатам, и людям. Небо над ним всегда ясно, а ветер, когда заходит в долину, то только для того, чтобы освежить воздух, бури проходят всегда стороною. Одну только грустную черту в этой светлой картине составляет кладбище, расположенное на высоком склоне и господствующее над селением своими крестами.

Присматривались ли вы когда-либо, читатель, к кладбищу многолюдного селения, где дорогá каждая пядь земли? Как скупно отмеряется место для мертвых, как им тесно и душно! Ближайшие соседи, боясь, чтобы кладбище не забрало их собственности, которой не хочется им уступить для общей пользы, не пожалели труда и тщательно обвели его рвом и валом, чтоб ни один покойник не мог быть похоронен на их участке. Только и видишь на кладбище, что ров, вал, узенькие ворота да кресты. Никому в голову не пришло насадить деревьев. А пусть бы шумели они над прахом умерших: среди царства смерти хоть что-нибудь напоминало бы о жизни, кресты прятались бы в чаще ветвей и все не так грустно было бы смотреть на страшное для многих место вечного покоя. Есть, правда, и здесь кое-какая растительность, но что же это за растительность, и где же ее нет?.. Ее хоть бы и совсем не видеть! Торчат кое-где иссохшие стволы чертополоха, да местами разрослась крапива, да изредка кое-где на прошлогодней

могиле синеют колокольчики или блестят золотые почки жабников.

Печально и сумрачно стоят ряды крестов. Много дум наводят они, и часто можно читать в них жизнь покоящихся под ними... Вот над богачом стоит дубовый окрашенный крест, крепкий и большой, на самом видном, почетном месте, бедняк приютил свой крест в уголке, сколотил и поставил его небрежно, не надолго: первый сильный порыв ветра сломит его или вынесет из кладбища, несколько лет обратят в прах даже эту последнюю память усопшего.

Там желтеет свежая могила, не успевшая еще зарости травой, здесь могильная насыпь давно исчезла, и вместо нее образовалась яма. Вместо ворот на валу стоит только покосившаяся деревянная рама с небольшим крестом, полотно, служившее когда-то воротами, давно сорвалось с поржавелых петель и лежит через ров вместо мостика. Тесен вход на кладбище, но для покойника простору в нем довольно. Часто разгуливает между крестами ветер и дикой, печальной своей песней нарушает крепкий сон мертвых. И душно, и страшно, и грустно на кладбище! Не знаю, как люди, привыкшие к просторным веселым избам, могут спать в таком печальном месте! Вероятно, многим, с миром отшедшим, не нравилась новая обитель, и не один из них по ночам упырем посещал прежнее свое жилище. По крайней мере в селении много рассказывают о подобных посещениях, приписывая их непривычке покойников к сырой и душной могиле.

Если же и покойникам не нравится кладбище, что же живым? А между тем, не далее, как в шагах пяти от него, через дорогу, стоит изба не изба, даже не мазанка, а скорее разве шалаш или что-то такое, чему и название не приищешь, хотя оно, очевидно, служит жилищем человеку. Одной стороной оно обращено к кладбищу, а другой упирается в горный обрыв. Трудно представить себе что-нибудь подобное. В безлесном краю бедному человеку негде взять леса на избу. Но чего не придумает человек, сам-друг с нуждою! Обрыв горы заменил две стены, другие две прижаты к нему, словно птичье гнездо. Они сложены или, вернее, слеплены из обрубков дерева, бог весть откуда занесенных, из хворосту, соломы, глины, все это смазано и держится каким-то непонятным образом. Из таких же

материалов, настланных дерном, составила крыша. Воля и нужда сделали что могли, остальное окончил Бог. Он украсил крышу зеленью и корнями ее накрепко связал разнородный материал. На избе шумит целая плантация куколя и других трав, а из-за них боязливо выглядывает сплетенная из хвороста и смазанная глиной труба. Чтобы стены не обвалились — доверять им было опасно — зодчий обвел их завалинкой и подпер двумя кривыми шестью. Несмотря, однако, на эти предосторожности, хата все-таки смотрит в землю — вот, кажется, сейчас присядет или приляжет. Окнами ей служат два неправильно прорубленные отверстия, в которые без рам вставлено несколько кусков стекла. Как ни мало пропускали они света, все-таки в хате было видно, когда солнце ударяло в стекла, стало быть, они довольно хорошо соответствовали своему назначению, строитель вполнину достиг цели.

В постройке двери нужда опять оказалась великим художником, творящим почти что из ничего. Дверь вышла чудом в своем роде. Посмотреть издали — она как будто ушла под самую крышу, манит прохожего, обещая свободный вход, а подойдешь ближе — она не выше пояса. Одним словом, все в этой несчастной мазанке — дверь, окна, труба — все было пародией на обыкновенные людские жилища. Но как ни мала была дверь, а много пошло на нее труда. В беслесной стране за одно «спасибо» никто не даст и полена, а строивший хату за околицей никакой другой награды предложить не мог. Зато эту дверь хоть бы прямо в комитет ученых, чтобы они в этом безмолвном, но тем не менее выразительном памятнике прочли, сколько вздохов сокрушало грудь трудившегося над ним! Сколько тут было сплочено кусков и кусочков разного дерева, сколько дырок заклепано колышками, сколько палок слабой рукой и тупым топором превращено в дощечки! Сколько родов дерева сошлось тут в непривычным им соседстве: сосна, дуб, явор, даже гордый граб соединились без чинов на одно употребление. Много бедняга приложил тут мастерства, но его теперь не видать, потому что ветер и дождь давно уже затянули чуждых соседей одной сплошной окраской, за которой едва можно рассмотреть различие их пород.

Представьте себе такую хату или мазанку, или лучше такое безымянное убежище, прилепите его к голому обрыву

горы, против кладбища, и вы наверное спросите: кто же построил его, кто мог жить в нем? Тот, кто обыкновенно живет в подобных убежищах — нищий. Не страшно было ему соседство кладбища, не страшна смерть нуждающемуся: ему смерть — успокоение, ему не из чего дорожить жизнью.

Селение, нами описанное, называется Стависками. В некотором расстоянии от него пестреет усадьба, утопающая в роскошных нивах. Господский дом возвышается над окрестностью, из него можно видеть все, чем Господь украсил эту окрестность, — воды, горы, избы, церковь, костел, даже синеватые вдали леса, не видать только кладбища.

Кто жил в этой усадьбе, узнаем после, а теперь приступим к рассказу.

II

За несколько десятков лет перед тем, как выстроилась усадьба и английские сады заступили место скромных огородов, в Стависки прикочевал табор цыган. Начальник его, как водится, занимался кузнечным делом: родичи были ему помощниками, а прочие ворожили и крали. В то время уже реже начинали появляться эти загадочные бродяги, происхождение и язык которых покрыты непроницаемой тайной. Приход их в Стависки был необыкновенным происшествием. Все селение выбежало поглазеть на пришельцев, сохранивших по прошествии нескольких столетий столь яркие еще признаки своего неевропейского происхождения и своего изгнанничества. Даже бабы, месившие хлеб, с засученными по локоть рукавами, вышли из изб, крепко держа за руки любопытных и вместе с тем трусливых ребятишек, чтобы цыгане их не похитили.

Парни и девушки тоже высыпали навстречу незваным гостям, и возвращавшиеся с полевых работ — вечер был летний — остановились с плугами посреди улицы. Табор состоял из нескольких человек и медленно подвигался к корчме. Сильный, атлетического сложения мужчина правил повозкой, из которой выглядывали запыленный кузнечный мех, сложенная палатка, наковальня и разные приборы и

всякого рода лохмотья. Среди хлама сидела, поджавшись, женщина средних лет с ребенком у груди. Она была настоящая ведьма. Черные волосы в беспорядке спускались по обеим сторонам смуглого лица, украшенного блестящими глазами и коралловыми губами. Огромный платок, обвивавший голову, прикрывал ее почти всю. На коленях ее лежал младенец, совершенно нагой, припав устами к материнской груди. На лице этой женщины заметны были следы страданий, тоски и усталости. Взор ее ни на минуту не отрывался от дитяти. Мужчина отличался огромным ростом, широкими плечами и суровым выражением лица. Грудь его была совершенно обнажена, дырявая, засаленная рубашка и изорванные штаны едва прикрывали его смуглое тело, голова была также непокрыта, только густые вьющиеся волосы защищали ее от дождя, ветра и жгучих лучей солнца. Шел он на босую ногу, но такой надменной поступью, что с первого взгляда можно было узнать в нем предводителя ромов¹.

Вокруг него тащилась остальная ватага: трое нагих детей от восьми до двенадцати лет, двадцатилетний юноша, девушка лет семнадцати, поразительной, оригинальной красоты, стройная, смуглая, одетая несколько опрятнее других, уродливая старуха, пожилой мужчина, коренастый, приземистый, с возвышенным лицом, подталкивавший сзади повозку, да еще две или три женщины, укутанные в полосатые одеяла, тащившиеся по земле.

Весь этот сброд лениво подвигался к корчме, по временам все посматривали на начальника, как бы с нетерпением ожидая приказаний. К общей радости повозка, поравнявшись с корчмой, остановилась; предводитель поднял голову и проницательным взором окинул все окружающее.

В то же время из корчмы высыпали несколько хозяев под предводительством войта (старосты), на голове которого гордо сидела высокая баранья шапка. Хозяева в глубоком молчании посматривали на пришельцев. Они не решались начать разговор, чтобы не уронить своего достоинства, и выжидали, чтобы гости сами повели речь. Измерив всех взглядом, предводитель цыган подошел к войту, узнав в нем по чутью, а может быть, и по новой, высокой шапке первое лицо в селении, слегка кивнул головой и лома-

¹ Этим именем называют сами цыгане свое племя.

СОДЕРЖАНИЕ

Хата за околицей	3
Уляна	241
Остап Бондарчук	319